

Н. П. Лобачева, Л. А. Тульцева

ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРЯДНОСТИ УЗБЕКОВ

Этнографическое изучение столь многоаспектной проблемы, как социально-культурное развитие народов, позволяет дать научно-практическую оценку вопросам, характеризующим своеобразие и национальные особенности в жизненном укладе народа. Этот аспект исследования социально значим, так как затрагивает проблемы образа жизни и деятельности людей. Исследование же культурно-бытовой специфики в ее этническом выражении способствует более глубокому пониманию национальных особенностей советского образа жизни применительно к отдельным народам¹. Бесспорно, что среди элементов культуры, совокупность которых позволяет говорить об этнической специфике, значительный удельный вес принадлежит комплексу обрядово-религиозных обычаев, традиций, предписаний, празднеств. В прошлом обрядово-религиозный комплекс или просто обрядовые ритуалы составляли один из существенных компонентов как в укладе жизни, так и в духовной культуре народа в целом. Ранее функционирование обрядовой стороны быта было санкционировано, во-первых, строго регламентированными религиозно-бытовыми предписаниями (отсюда стойкость в бытовой обрядности традиционной символики, некогда магико-религиозной) и, во-вторых, вниманием церкви к бытовым обрядам, часть которых, включенная в ядро культового комплекса официальной религии, была освящена религиозной догматикой и взята под контроль священнослужителей. Поэтому, изучая традиционную обрядность, нельзя игнорировать вопросы религиозного мировоззрения. Нельзя о них забывать и при исследовании современного состояния обрядности, так как изживание религиозной идеологии находится в прямой связи с угасанием религиозной обрядности и формированием качественно новых безрелигиозных празднично-обрядовых ритуалов. Но формирование новой обрядности тесно связано также с судьбами традиционной культуры, в частности с судьбами традиционной обрядности. Последняя питает своими лучшими прогрессивными элементами (в том числе и в этноспецифическом выражении) новую национальную культуру и обрядность советского народа.

Эти аспекты социально-культурного развития на примере узбекского народа рассматриваются в предлагаемой работе. Мы используем материалы этнографических наблюдений и обобщений, а также некоторые итоги этносоциологического исследования, проведенного Институтом этнографии АН СССР в 1973 г. по вопросам социально-культурного развития населения Узбекистана².

¹ Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева. Советский образ жизни: общее и национально-особенное.— «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 11.

² О программе и методах выборки исследования см. подробнее: Ю. В. Арутюнян. Социально-культурные аспекты развития и сближения наций в СССР.— «Сов. этно-

Изживание религиозных представлений, установок, норм, обрядности стало одним из решающих итогов современных преобразований в культурно-бытовой сфере народов нашей страны. Этот процесс — характерное явление для всех вероисповеданий в СССР. Деформация религиозных идей и обрядности и затем их исчезновение из повседневной жизни стали очевидными и для такого консервативного религиозного направления, как ислам. Но — и это неоднократно подчеркивалось в атеистической и религиоведческой литературе — отход населения от традиционных форм мусульманства в силу целого ряда исторических причин более замедлен, чем, например, отход от христианства. Однако и в исламе этот процесс все больше набирает силу³.

В Средней Азии ислам господствовал на протяжении двенадцати столетий. Его догматика и обрядность подчиняли себе общественную и частную жизнь людей. В руках духовенства находились народное образование и судопроизводство. Позиции ислама у разных народов Средней Азии и в разной социальной среде были неравнозначными. Узбекистан принадлежит к той области Среднеазиатско-Казахстанского региона, где находились такие древние центры мусульманства, как Бухара, Хива, Коканд и др., распространявшие в прошлом свое влияние далеко в степь и горы. Здесь господствовали наиболее ортодоксальные формы ислама, и влияние его было особенно глубоким. Это обстоятельство, безусловно, дает о себе знать даже в наше время. Тем не менее современная тенденция к прогрессирующему уменьшению воздействия мусульманской религии на население отчетливо прослеживается и в этом районе.

Этносоциологическое исследование дает конкретный материал для оценки отношения населения к религии и некоторым религиозно-бытовым обрядам. По нашим данным, большинство опрошенных назвали себя неверующими. Чем крупнее поселение, тем слабее влияние религии. Например, в Ташкенте верующих почти на одну треть меньше, чем в малых и средних городах, а также в сельской местности. Если учесть, что в дореволюционное время религиозность населения была почти 100-процентной, а мусульманская религиозная традиция, отличающаяся особым фанатизмом, существовала здесь не одну сотню лет, то станет очевидным, сколь большой скачок произошел в мировоззрении людей за такой короткий срок, как 60 лет.

Проведенные в 60-х годах в сельской местности Самаркандской области исследования зафиксировали следующие существенные явления: 1) качественно иное по сравнению с дореволюционным прошлым состояние ислама, идущего на всяческие послабления против установок ортодоксального мусульманства, приспособленчество к новым условиям жизни; 2) качественно иное отношение к исламу самих верующих, упрощенно, «неквалифицированно», без должного знания выполняющих религиозные требы; 3) недостаточная богословская квалификация служителей культа, сказывающаяся на всем комплексе явлений, связанных с религией⁴.

графия», 1972, № 2. В основу исследования в Узбекистане была положена многоступенчатая районированная выборка, репрезентативная для городского и сельского населения республики. Было опрошено около 2500 человек в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Ангрене, Бекабаде, Каттакургане, Ленинске, Пскенте и около 1600 сельских жителей в Ташкентской, Самаркандской и Андижанской областях. Принципы выборки разработаны В. С. Кондратьевым (см.: «Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования». М., 1973, с. 316—330.)

³ См., например, сб. «О научном атеизме и атеистическом воспитании». М., 1974, с. 177.

⁴ Г. П. Снесарев. Духовный облик узбекского крестьянина. — «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, с. 275 сл.

При конкретном исследовании религиозной ситуации в городах Средней Азии необходимо учитывать фактор этносоциальной среды, так как городское население Узбекской ССР отличается разнообразным национальным составом. Это значит, что социально-психологический климат, возникающий в процессе общения горожан, в какой-то степени определяется и соотношением верующих людей разных национальностей.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1970 г., в г. Ташкенте соотношение населения, исповедовавшего в прошлом ислам, и всего остального населения приблизительно равно 1:1, т. е. половина населения (50,7%) по вероисповедному признаку относится к мусульманам, другая половина — преимущественно к населению, исповедовавшему в прошлом христианство. В Самарканде немусульманское население составляет 35%, в Андижане — около 22%⁵, в малых городах процент немусульманского населения соответственно еще меньше. По нашему мнению, эти данные находятся в прямом соотношении с уровнем религиозности населения названных городов. В тех городах, где национальная среда более разнообразна по своим этническим и, что особенно важно, вероисповедным признакам, религиозность населения ниже. Ярким примером, подтверждающим это положение, является Ташкент. Безусловно, в данном случае следует учитывать также фактор позитивного воздействия социально-культурной сферы жизни, которая в столице республики намного насыщеннее, чем в других городах. Воздействие этого фактора особенно ясно видно на примере Самарканда — древнего крупного культурного центра Средней Азии. Здесь количество немусульманского населения на 15% меньше, чем в Ташкенте, и составляет треть всего населения Самарканда. Но уровень религиозности населения в этих двух городах практически одинаков. В целом же в

Таблица 1
Динамика отношения разных поколений к религии в городе и в сельской местности*

Возраст	Город	Село
18—29	0,26	0,41
30—39	0,45	0,63
40—49	0,5	0,81
50—59	0,88	0,85
60 и старше	1,0	1,0

* Относительные показатели получены путем сравнения процента верующих и неверующих в каждой возрастной группе. За единицу принимается показатель в группе «60 лет и старше»

более крупных поселениях, где более развита культура, активнее социальная жизнь и интенсивнее идут другие прогрессивные социально-национальные процессы, значительно быстрее размываются устаревшие патриархальные взгляды и представления.

Исследованиями этнографов установлено, что религиозность больше всего проявляется среди жителей *махалля* (кварталов), где сильны остатки реликтовых форм общинно-родовых традиций в общественной жизни и особенно в семейном быту населения⁶. Между тем атеистические убеждения занимают все более прочные позиции в жизни узбекского населения. Об этом убедительно свидетельствует сравнение числа лиц разных поколений назвавших себя верующими (см. табл. 1).

Таблица наглядно показывает процесс освобождения населения, и прежде всего молодежи, от влияния ислама, его идеологии, обычаев и предписаний. Особенно заметен разрыв в отношении к религии между возрастными группами 18—29 лет и самыми старшими возрастными группами. Поскольку на возраст 18—29 лет приходится время актив-

⁵ Подсчитано по данным кн. «Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г.», т. IV. М., 1973, с. 211, 213, 218.

⁶ См.: Г. П. Снесарев. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. — «Сов. этнография», 1957, № 2, с. 67—70; И. Джаббаров. Борьба идет за человека. — «До ума и сердца каждого». Ташкент, 1968, с. 77 сл.; его же. Общественный прогресс, быт и религия. Ташкент, 1973, с. 6.

ного формирования личности и, что особенно важно, становления основ ее мировоззрения, то вполне вероятно предположение, что это поколение, переходя в старшую возрастную группу (30—39 лет), принесет с собой снижение уровня религиозности. Процесс этот сложен и в реальной жизни далеко неоднозначен, особенно когда речь идет о молодых женщинах, которые, выходя замуж и попадая в новую семью, вынуждены бывают в определенных ситуациях соблюдать устаревшие религиозно-бытовые обычаи. Симптоматичны полевые наблюдения этнографов⁷: молодежь относится к религии и связанным с нею обычаям, как к чему-то давно ушедшему, а если и принимает участие в тех или иных обрядах, нередко даже не понимая их смысла, то делает это под влиянием ложного «общественного» мнения. Никто из молодежи не знает ни мифологии, ни преданий ислама, ни персонажей их, за исключением Мухаммеда, о котором также не имеет конкретных представлений. Даже о главных праздниках мусульман — *курбан-хаит* и *рамазан-хаит* — у молодежи в общем-то нет определенных представлений. Курбан-хаит обычно воспринимается как праздник жертвоприношения, но не более. Почти никто не знает, почему считалось необходимым соблюдать пост *уразу* в месяц *рамазан*. Термины, связанные с разными категориями религиозно запрещенного и дозволенного (*фарз*, *суннат*, *макрух*, *ваджаб* и др.), звучат теперь как непонятные слова. Если молодежи и известны отдельные богословские термины, то в самом узком их применении, например, *харом* (нечистый) — только по отношению к пищевым запретам. Обрядовая сторона ислама молодежи также чужда. Уразу молодежь, как правило, не соблюдает, хотя и может участвовать в празднике, посвященном окончанию поста.

Однако надо отметить, что молодежь все-таки не всегда стоит на последовательно атеистических позициях. Между тем атеистическое воспитание молодежи необходимо и потому, что среднеазиатский ислам представляет собой сугубо синкретическое явление: в нем растворились многие элементы доисламских верований, в ряде случаев продолжавшие существовать самостоятельно и дожившие до наших дней в виде разнообразных суеверий (вера в духов, в дурной глаз, магические способы «лечения» и т. д.), особенно распространенных среди женщин⁸.

Для характеристики процесса отхода от религиозных традиций особенно показательны изменения в религиозном сознании старшего поколения узбекского крестьянства. Очевиден упадок ортодоксального ислама даже в этой среде: старшее поколение с точки зрения веры теперь далеко не однородно, есть люди верующие, колеблющиеся и отошедшие от религии. Одна из причин упадка веры, как справедливо отмечает Г. П. Снесарев, в том, что мечеть изжила себя не только как место культа, но и как прежний центр общественной жизни, который переместился в Советы, правления колхозов, школы, клубы. Исчезло значение муллы как духовного наставника сельского населения. Старики в большинстве своем не умеют молиться по всем правилам ислама. Пост (*уразу*) большинство из них соблюдает не строго с точки зрения ортодоксального ислама. Повсеместно распространилось чисто символическое соблюдение поста (постятся лишь 3 дня в начале и 3 дня в конце месяца).

Итак, несмотря на сохранение некоторых пережитков и суеверий, повседневная жизнь всего узбекского населения определяется устой-

⁷ Г. П. Снесарев. Духовный облик узбекского крестьянина, с. 275 сл.

⁸ См., например: Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969; В. Н. Башилов. Культ святых в исламе. М., 1970; Т. Д. Байлиева. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972; «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1975.

чивой и теперь уже необратимой тенденцией к изживанию из быта религиозных норм и религиозного мировоззрения. В силу же исторически сложившихся социально-культурных различий в жизни города и сельской местности этот процесс идет неравномерно. По нашим наблюдениям, в сельской местности в отношении к религии имеет место более тесная соотнесенность между поколениями, чем в городе (см. табл. 1). Характерно и следующее: если уровень религиозности лиц старшего возраста в городе и в кишлаках почти одинаков (разница между сельчанами и горожанами от 60 лет и старше составляет лишь около 5%), то разница в уровне религиозности сельской и городской молодежи в возрасте 18—29 лет составляет 14%. Итоги исследования показывают, что в составе лиц, назвавших себя верующими, преобладают представители старшего возраста (40 лет и старше).

Наряду с социальной средой и возрастом в числе объективных условий, способствующих освобождению сознания от религиозных пережитков, ведущая роль принадлежит образованию и социально-профессиональному статусу человека. Уровень образования и квалификации у верующих довольно низок: среди них преобладают малограмотные и лица с незаконченным средним образованием (около 60% в городе и около 75% в сельской местности). По социально-профессиональному статусу — это преимущественно работники неквалифицированных профессий (в городе их около 60%, в сельской местности — около 80%). Уже по этим показателям можно судить о характере современного религиозного мировоззрения.

Несмотря на то, что религиозные представления верующих довольно аморфны и неопределенны, они еще оказывают влияние на сохранение религиозно-бытовой обрядности.

Таблица 2
Отношение к праздникам рамазан-хаит и курбан-хаит (в %)

Возраст	Празднуют рамазан-хаит и курбан-хаит	
	город	село
18—19	15,8	42,6
20—24	25,5	43,7
25—29	32,9	57,4
30—39	44,6	72,0
40—49	56,2	71,1
50—59	69,9	77,9
60 и старше	79,8	87,0

В то же время традиционное поведение, будучи связанным с выполнением определенных религиозных установлений, способствует закреплению в сознании религиозного мировоззрения. Все это вызывает внимание к вопросам, выясняющим отношение населения к различным религиозно-бытовым обычаям и обрядам.

В нашем исследовании выяснилось отношение населения к наиболее важным праздникам мусульманского календаря — рамазан-хаит и курбан-хаит (узб. рамазон-хаит и курбон-хаит), к семейно-бытовому

обычаю *суннат-той*, узаконенному исламом, а также к свадебному церемониалу в его различных вариантах.

В ходе исследования выяснилось, что праздникам рамазан и курбан-хаит особое предпочтение отдают лица старше 60 лет, а среди представителей других возрастных групп — преимущественно лица неквалифицированного физического труда. Хотя обследование показало определенную устойчивость старых праздников в быту, но цифровые показатели, характеризующие, например, приверженность населения к празднику рамазан, еще не говорят в полной мере о его характерных моментах, главное же — о соблюдении религиозного поста уразы, окончанию которого и посвящается этот праздник. Как известно, молодое поколение отказалось от этого поста. Сам же праздник, как и другой большой мусульманский праздник курбан-хаит, подавляющим числом молодежи соблюдается в силу семейной традиции, под влиянием старшего поколения. В самом праздничном церемониале стало заметно мень-

ше религиозных элементов. Заслуживают внимания итоги анкетного обследования К. Арипова в Ташкентской области в 1966—1968 гг. Оно показало преобладание бытовых черт в проведении религиозных праздников. Для 80% отмечающих религиозные праздники их содержательную основу составляли сугубо семейные встречи и развлечения: это — праздничное украшение дома, приготовление различного рода угощений, посещение родственников, больных, поздравление друзей, гулянье, веселье, отдых и т. д.⁹

В системе семейно-праздничных традиций еще сохраняет свое значение и обряд обрезания. Традиционное отношение к этому обряду как в городе, так и в сельской местности не зависит от возраста и социально-профессионального статуса. Обряд сопровождается торжествами (суннат-той), имеющими определенный ритуал. Исследование всего комплекса действий и состава участников, тем или иным образом связанных с этим обрядом, на материалах узбеков Хорезмской области привело Г. П. Снесарева к выводу, что этот ритуальный комплекс генетически связан с возрастными группами и их участием в обрядах инициаций¹⁰, т. е. истоки его коренятся в обычаях первобытно-общинного строя. Он имел непосредственную связь с жизнью общины, реликтовые формы которой в Узбекистане встречаются и ныне. Община же способствовала сохранению патриархальных традиций в быту и тормозила изживание религиозного мировоззрения. В исламе обряд обрезания получил новое назначение: его стали рассматривать как символ введения нового лица в религиозную общину (подобно христианскому обряду крещения).

Без этого краткого исторического экскурса невозможно правильно оценить, как теперь воспринимается населением обряд обрезания, какова его идеологическая нагрузка в наши дни. По своей значимости эти вопросы требуют самостоятельного исследования. Мы должны лишь еще раз подчеркнуть, что в мусульманстве, как и в христианстве, в настоящее время приоритет скорее за обрядово-нормативными установками, чем за религиозной идеологией или религиозным осмыслением тех же обрядовых норм. Вместе с тем имеющая место тенденция представлять суннат-той как какую-то лишенную былого религиозного значения национальную традицию и оправдывать этот пережиток гигиеническими соображениями научно не обоснована. Уже в силу того, что этот обряд распространен среди различных по происхождению народов, он не может истолковываться в качестве национальной традиции одного народа. Здесь на первый план выступает социально-психологический предрассудок, оформленный в идею религиозного единства народа. Этот предрассудок проявляется в остаточных формах и при других обстоятельствах¹¹.

Проследив эволюцию всего обрядового комплекса суннат-той, важно отметить, что к настоящему времени он очень изменился. Суннат-той утратил многие звенья ритуала, даже включил современные элементы в порядок проведения торжества. Следует подчеркнуть, что теперь суннат-той находится в компетенции семьи, а не общины, как

⁹ К. Арипов. Повышение культуры быта трудящихся масс в период коммунистического строительства и его значение в преодолении религиозных пережитков (на материалах Узбекской ССР). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1970, с. 18.

¹⁰ Г. П. Снесарев. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте.— «Занятия и быт народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник», вып. III.— «Труды Ин-та этнографии», т. ХСVII, Л., 1971, с. 265.

¹¹ Так, среди народов Среднеазиатско-Казахстанского региона не изжиты окончательно предрассудки по отношению к бракам мусульман с иноверцами. Если брак между мусульманином и иноверкой допускается общественным мнением старшего поколения, то выход замуж мусульманки за иноверца до сих пор встречается с осуждением, поскольку и дети, согласно традиционному мнению, якобы будут иноверцами.

было в прошлом. Это значит, что его общественная значимость сузилась. Существенно, что сама операция теперь часто проводится в медицинских учреждениях. Несмотря на известную приспособляемость, в этом обряде, несущем несомненную религиозную нагрузку, все-таки больше признаков вырождения. Что касается оценки его, то, как говорит Г. П. Снесарев: «Все характерные черты суннат-той, взятые в совокупности, приводят к убеждению, что этот обычай самими различными своими сторонами целиком принадлежит прошлому и несовместим с социалистической действительностью народов Средней Азии»¹². С ним происходят те же превращения, что и с религиозной обрядностью вообще. Так, если прежде всенародные праздники мусульман — курбан-хаит и рамазан-хаит — сопровождалось большими народными гуляньями и ликованием, то теперь их проведение сосредоточивается в местах отправления культа и в семье. А это — признак существеннейших сдвигов в секуляризации общественного быта.

В системе семейно-праздничных традиций большое место занимает свадебная обрядность. Это тот объект исследования, на примере которого определяется ориентированность населения на этноспецифические черты в современной культуре. Характер свадебной обрядности за годы социалистических преобразований значительно изменился. Ведущей тенденцией было изживание реликтов разнообразных домусульманских верований и элементов, связанных с мусульманской религией; а также изживание вредных социально-бытовых пережитков с одновременным включением новых элементов, характеризующих социалистическую культуру¹³. Итогом этого процесса явилось создание принципиально нового обряда — безрелигиозного, бескалымного, в основе которого лежит церемония гражданской регистрации брака, с новым оформлением праздничного застолья и т. д. — это узбекский *қизил-тўй* или *янғича-тўй*. Но новая свадьба не вытеснила полностью традиционного обряда, хотя затухание традиционной обрядности в целом прослеживается. Сам процесс формирования новой обрядности еще не завершился.

В настоящее время в Узбекистане существует два основных варианта обрядового оформления брака: так называемая традиционная свадьба (*эскича-тўй*) и новая свадьба (*янғича, қизил-тўй*).

Вариант свадьбы по традиционному ритуалу в наши дни значительно отличается от дореволюционного ввиду изменения содержания некоторых звеньев обряда, сокращения и модернизации их и включения новых элементов. Тем не менее в ней сохраняется и религиозный обряд бракосочетания, и пережиточные формы калыма, и ряд других менее существенных черт старой свадьбы. Сохраняется и традиционный порядок праздничного угощения, устраиваемого отдельно для мужчин и женщин, в котором жених и невеста не принимают участия.

Қизил-тўй ныне характеризуется отсутствием несовместимых с нашей действительностью старых предписаний. Он сохранил в трансформированном виде ряд черт традиционной свадьбы в обычаях поздравлений; пожеланий, имеющих свою традиционную символику, в художественном оформлении церемоний, в порядке их следования и др. Все это придает свадьбе общий национальный колорит. Однако основу праздника составляет ритуал торжественной регистрации брака; свадебное застолье имеет новые формы — в нем участвуют лица разных возрастов, мужчины и женщины вместе; жених и невеста сидят во главе праздничного стола.

¹² Г. П. Снесарев. К вопросу о происхождении праздника суннат-той в его среднеазиатском варианте, с. 272.

¹³ Н. П. Лобачева. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975.

Есть и переходные формы от старой к новой свадьбе. Наиболее характерная из этих форм — свадьба с ритуалом торжественной регистрации брака и новым порядком торжественного застолья. Однако параллельно, главным образом для старшего поколения, организуется традиционное застолье. Связь со старым сохраняется в соблюдении религиозного обряда и наличии трансформированных форм выкупа за невесту. Такие свадьбы по чисто внешним признакам также называют кизил-туй.

Имеют место в Узбекистане общественные (комсомольские) свадьбы и просто праздничное застолье по поводу вступления в брак, но эти формы свадебных торжеств пока не получили массового распространения.

Мы имеем возможность охарактеризовать изложенные материалы в количественном выражении по итогам этносоциологического исследования в Узбекистане. Перед нашими респондентами был поставлен вопрос: какую свадьбу они предпочитают — просто застолье или свадьбу с соблюдением полного или частичного национального обряда. Большинство опрошенных (свыше 80%) высказались за свадьбу в национальном стиле с сохранением полного или частичного традиционного церемониала. В этом мнении единодушны представители разных возрастов и профессий, как в городе, так и в сельской местности. Вместе с тем они (свыше 86% на селе и 83% в городе) высказались против обычая калыма, без которого прежде была невозможна ни одна свадьба. Лишь около 10% сельских и 12% городских жителей отметили, что с этим обычаем приходится считаться и исполнять его. Изложенные данные свидетельствуют о вполне критическом и осознанном отношении к старому обряду и его отрицательным сторонам. Они говорят, что даже высказавшиеся за полный традиционный обряд хотели бы очистить его от обременительных социально-бытовых пережитков.

Элементы национально-традиционной специфики в укладе домашней жизни узбеков сохранились и в народной традиции уважения к старшим. Красноречивы ответы на вопрос анкеты: «Обязательно ли получать согласие родителей при вступлении в брак?». Оказалось, что до 90% узбеков (даже среди наиболее квалифицированных и образованных групп населения), отдавая дань традиции, считают, что выбор супруга должен быть согласован с родителями¹⁴. Но это отнюдь не значит, что заключение брака, как это было прежде, находится в полной компетенции родителей и старших родственников. Правда, в некоторых случаях, например в сфере религиозно-бытовых традиций, старшие члены семейно-родственного коллектива могут оказывать влияние на младших¹⁵.

Таким образом, пример свадебной обрядности показывает, что у узбеков национальная (этноспецифическая) направленность в оформлении знаменательных событий семейной жизни выражена достаточно ярко. Важно отметить критическую настроенность населения к отжившим обычаям, не согласующимся с правовыми, этическими и общими мировоззренческими установками нашей современности.

Итак, обрядово-бытовые традиции среди узбеков характеризуются, во-первых, общим снижением уровня и степени религиозности и, во-вторых, определенной устойчивостью национальных обычаев в культурно-бытовой сфере. Закономерен вопрос: только ли для узбеков характерны отмеченные тенденции или это более широкое явление? Ответ-

¹⁴ Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева. Указ. раб., с. 20.

¹⁵ На авторитет родителей и принцип аксакализма как одну из причин, способствующих распространению религиозных воззрений среди молодежи, указывает Ф. Эргашев, специально исследовавший проблемы религиозности молодежи Узбекистана. См.: Ф. Эргашев. Проблемы предотвращения воспроизводства религии среди молодого поколения в условиях развитого социализма (на материалах Узбекской ССР). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1975, с. 14, 22—23.

тить на него помогают исследования, проведенные среди других народов.

Известно, что снижение религиозности — явление типичное для всех народов СССР. Поэтому подробнее остановимся на вопросе о национальных ориентациях. Возьмем в качестве примера свадебную обрядность, поскольку именно этот обряд у многих народов наиболее устойчив в быту, хотя значительно варьирует в содержании и оформлении.

Мы располагаем данными этнографических исследований, проведенных в последние годы среди удмуртов, латышей, молдаван, украинцев, каракалпаков и др. Это народы разной конфессиональной принадлежности, которые имели свою религиозно-бытовую и культурную историю, стояли на разных ступенях экономического развития в дореволюционную эпоху, испытали неравномерное влияние капиталистических отношений. На некоторые из них заметное воздействие оказала культура других народов, в частности русских. Все эти особенности сказались на характере культурно-бытовых процессов у этих народов в наши дни, в том числе на степени сохранения традиционных черт в обрядности.

Этносоциологические исследования в городах Каракалпакии показали, что здесь не менее двух третей опрошенных на вопрос: «Как бы Вы хотели сыграть свою свадьбу?» высказались в пользу свадьбы в национальных традициях (с полным традиционным обрядом или его элементами)¹⁶. Аналогичная картина зафиксирована в Молдавии. Здесь около 65% сельского населения предпочитают свадьбу с соблюдением полного или частичного национального обряда, и лишь около 27% высказалось за простое свадебное застолье¹⁷.

Исследования, проведенные на Украине, показали, что начиная с 60-х годов здесь распространились две формы свадьбы: комсомольская и новая форма современной свадьбы, включающая торжественную гражданскую регистрацию брака и лучшие традиционные элементы народной свадебной обрядности. Этот вариант церемониала — наиболее распространенный¹⁸.

Специальное исследование роли обрядовой жизни в системе этноса и факторов, влияющих на состояние традиционной обрядности, в конце 60-х годов было проведено в Удмуртии по программе, разработанной В. В. Пименовым¹⁹. Оно показало, что обрядовые циклы, связанные с жизнью семьи, по своей актуальности и значению, придаваемому им народам, не равны. Наибольшей популярностью пользуются национальные свадебные обряды, наименее популярны — родильные. Выяснилось, что в «системе связи со своим народом» у сельских жителей обрядовая жизнь занимает второе место после языка. В целом в ценностных ориентациях городских и сельских удмуртов национальные традиционные обряды занимают еще заметное место²⁰. Причем приверженность к национальным обрядам у людей различных социальных групп проявляется по-разному: у лиц с низким социальным статусом — в реальном быту, у интеллигенции — в сфере психологии, этническом сознании. Факторы,

¹⁶ Х. Есбергенов, Т. Атамуратов. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975, с. 101.

¹⁷ Л. А. Тульцева. О связи традиционного поведения с религией (по материалам Молдавской ССР). — «Полевые исследования Института этнографии. 1975 г.». М., 1977, с. 166.

¹⁸ Н. И. Здорова. Свадебная обрядность на Украине. К вопросу происхождения основных форм и их бытования. Автореф. канд. дис. Минск, 1974, с. 18—19.

¹⁹ Э. К. Васильева, В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова. Современные этнокультурные процессы в Удмуртии (Программа и методика обследования). — «Сов. этнография», 1970, № 2; Л. С. Христолюбова. Семейные обряды удмуртов (опыт количественной характеристики). Автореф. канд. дис. М., 1970, с. 12—17.

²⁰ См. напр., Е. И. Клементьев. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР). Автореф. канд. дис. М., 1971; Г. В. Старовойтова. К исследованию этнопсихологии городских жителей (по материалам опроса населения трех городов Татарской АССР). — «Сов. этнография», 1976, № 3, с. 48—49.

оказывающие решающее влияние на обрядность,— это урбанизация, возраст, образование, социальное положение, родной язык, смешанные браки и межнациональные контакты в первичном производственном коллективе. Под влиянием этих признаков в итоге идет затухание традиционных обрядов. Тем не менее, если говорить о свадьбе, то просто вечеринка, и даже комсомольская свадьба, население не удовлетворяет, не удовлетворяют его и чисто традиционные обряды. В целом же на современном этапе у удмуртов достаточно ярко выражена потребность во включении в новый свадебный обряд каких-то элементов традиционной обрядности²¹.

Изучение состояния традиционной обрядности и факторов, влияющих на ее сохранение, изменение и изживание, было проведено в 1971—1972 гг. в Латвии — в малых городах Латгале (г. Лудза) и Курземе (г. Кулдига), население которых принадлежало к разным конфессиям. Население этих городов в большинстве своем высказалось в пользу свадеб с национальными традициями: в г. Лудзе — 82%, в г. Кулдиге — 86,8%²².

Взаимосвязь факторов, влияющих на состояние обрядности, в малых городах Латвии в основном такая же, как и в Удмуртии, хотя в Латвии изживание традиционных обрядов тормозилось из-за сильного влияния католичества. Это обстоятельство в меньшей степени характерно для Удмуртии, где христианство было воспринято чисто внешне, в послереволюционную же эпоху оно довольно быстро потеряло свое значение, не оказав существенного влияния на традиционную обрядность. Но в Удмуртии стойкими были старые языческие культы, питавшие всю семейно-бытовую обрядность. Отличительной особенностью Латвии по сравнению с Удмуртией является быстрое формирование у латышей современного национального свадебного ритуала, происходившее в 60-х годах. В итоге среди латышей повысилось число свадеб с национальными элементами.

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в стремлении сохранить национальные черты в формах культуры не только узбеками, но и другими народами нашей страны. Однако выраженность национальных признаков среди разных народов, как и среди различных социальных групп внутри одного народа, неодинакова. Сельские жители отдают большее предпочтение обрядам с полным или частичным традиционным ритуалом, хотя степень его в разных регионах различна. Например, в сельской местности Узбекистана этот показатель приближается к 85%, а в селах Молдавии — к 65%. Особенно заметны различия в ориентациях на национальные элементы в обряде между жителями городов различных республик. Если в городах Узбекистана преобладали свадьбы с полным или частичным традиционным обрядом, то в городах Белоруссии — только 24,5% свадеб справлялось с элементами традиционной обрядности²³.

Степень сохранности национальной самобытности в современном укладе народа зависит от многих факторов. Самый общий из них — условия исторического развития коренных национальностей, и в первую очередь, степень развития у данного народа капиталистических отношений, так как они содействовали интенсивному разрушению традиционных черт культуры и быта, и влияли на общее состояние религиозности населения. Этот фактор — степень развитости капиталистических

²¹ Л. С. Христолюбова. Указ. раб., с. 20—22; В. В. Пименов, Л. С. Христолюбова. Удмурты. Ижевск, 1976, с. 37—49.

²² Подробнее см.: М. Эндзеле. Свадебные обряды латышского городского населения в XX в. (По материалам малых городов Латгале и Курземе). — «Сов. этнография», 1973, № 4, с. 103—104.

²³ «Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии». Минск, 1976, с. 29.

отношений — определяет устойчивость и продолжительность сохранения традиционных черт культуры, в частности обрядности, в послереволюционный период. Но само по себе указанное обстоятельство еще не объясняет всех различий в степени сохранности национально-специфического в образе жизни разных народов. Ведь условия социально-культурного развития нашего общества содействовали выравниванию среди народов нашего государства и социальной структуры, и общекультурного уровня, и степени урбанизации. Значит, имеется еще какой-то признак, который содействовал консервации быта. Без сомнения, речь идет о религии, с ее принципом религиозной исключительности, в одних конфессиях особо постулируемым, в других — не играющим столь важной роли. Если говорить об Узбекистане, то его население вплоть до революции жило в феодально-патриархальных условиях, сплошь пронизанных предписаниями мусульманской религии. В исламе же, как известно, сильны требования религиозной нетерпимости, исключительности, жесткой регламентированности, религиозного фанатизма. В совокупности все это способствовало консервации традиционного быта и оказало влияние на степень его сохранности в послереволюционное время. В итоге среди узбеков и сейчас наблюдается значительная устойчивость ряда черт традиционной культуры, что предопределило высокую степень ориентации на национальное в наши дни.

Для решения поставленных вопросов многое дает сфера социальной психологии, поскольку важную роль в сохранении традиционной обрядности играют социально-психологические установки, влияющие через обряд на формирование (или закрепление) этнического самосознания.

Выявленные тенденции свидетельствуют о стремлении народов нашей страны не прерывать культурных традиций, сохранить национальную специфику на бытовом уровне. Это обстоятельство партийные и общественные организации должны учитывать при разработке и внедрении в жизнь новых гражданских обрядов. Опыт показал, как часто разработанный во всех деталях ритуал какого-либо торжества оказывался нежизнестойким и вскоре совсем забывался. Пренебрежение народными исконными традициями делает подобного рода церемониалы неинтересными для их участников. Подчас это обстоятельство вынуждает отдельные семьи обращаться к устаревшим религиозным обрядам. Между тем, как правило, народные церемониалы весьма многоаспектны, содержательны, красочны и оптимистичны. Ведь человеку всегда свойственно запечатлевать знаменательные события торжественными церемониями и праздниками. Не раз отмечалось, что в социалистическом обществе эта потребность не исчезает, а даже возрастает, так как для социалистического уклада жизни характерны коллективизм, последовательный интернационализм и гуманизм, которые способствуют многообразию и прочности связей между членами общества и обществом в целом. Все это требует, с одной стороны, церемониалов, соответствующих запросам сегодняшнего дня, а с другой стороны, говорит о важности сохранения прогрессивных национальных традиций, которые могут быть использованы в патриотическом, интернациональном и атеистическом воспитании²⁴. Ведь традиционная обрядность хотя и изживает себя, однако отдельные ее элементы синтезируются с рожденными современной эпохой революционными, новыми трудовыми и дружными социалистическими традициями, создавая новые национальные варианты обрядов, и таким образом, элементы прежней культуры включаются в наш быт. Эти обряды уже показали свою жизнеспособность как в семейной, так и в общественной сфере. Например, на новой основе, лишенной элементов

²⁴ А. Хасанов. Роль общесоветских и прогрессивных национальных традиций в атеистическом воспитании трудящихся в условиях развитого социализма (на материалах Узбекской ССР). Автореф. канд. дис. Ташкент, 1976, с. 13.

религиозности, отмечаются такие узбекские народные праздники, как *навруз*, *гул сайли*, *кавун сайли*. Возникли и входят в быт новые праздники, оформление которых насыщается национальным содержанием. Таковы популярные праздники *хосил байрами* (праздник урожая), *пахта байрами*, праздник совершеннолетия и др. Входят в жизнь трудящихся республики чествования ветеранов труда и передовиков производства, проводы их на заслуженный отдых, встречи трех поколений, дни рабочих династий и т. д. Эти новые обычаи имеют большое значение для общегуманистического воспитания трудящихся, содействуют приобщению к подлинным социальным ценностям.

В связи с этими проблемами перед советскими этнографами встают новые задачи. Этнографическая наука изучает содержательную часть традиционной обрядности, процесс формирования новых ритуалов и праздников, конкретные проявления новых обрядовых форм у различных народов страны. Современная национальная обрядность у многих народов находится в стадии формирования. Ускорить этот процесс, помочь естественному отбору прогрессивных элементов народной культуры для включения в новый обряд — задача современности, в разрешении которой этнографическая наука может оказать существенную помощь.

Перед этнографической наукой встают серьезные задачи по углублению и расширению исследований в этой области в познавательном и теоретическом планах. Возникла необходимость в быстрой теоретической разработке ряда вопросов. Среди них вопрос о том, как называть современные, новые по содержанию обряды. До сих пор обряды нетрадиционные называют просто «новые обряды», что не раскрывает их содержания, а только противопоставляет старым. К этим новым обрядам относят и те, которые, изжив элементы, связанные с религией, и вредные социально-бытовые пережитки, включив ритуалы, появившиеся в социалистическую эпоху, сохранили некоторые элементы старых обрядов, не противоречащие идеологическим, правовым, этическим и эстетическим установкам нашего времени. В этих традиционных элементах как раз и проявляется национальная специфика обряда. Такие обряды, видимо, следует называть советскими национальными обрядами. Примерно таким термином («современный национальный обряд») этнографы уже пользуются (см. работы М. Я. Эндзеле, Т. Атамуратова), но принципиально данный вопрос еще не решен. Для его решения нужно в первую очередь точно определить: 1) что следует понимать под советским национальным обрядом; 2) какие критерии предъявлять при определении его новизны по сравнению с традиционными обрядами. Необходимо упорядочить терминологию и в отношении традиционной обрядности. Ее называют иногда «национальной» (см., например, работы Л. С. Христолюбовой). Это в известной степени оправдано, но нарушает временные границы, поскольку формировалась традиционная обрядность обычно не в условиях существования нации как таковой. Перечисленные вопросы требуют специального рассмотрения. Здесь предлагается только их постановка.

* * *

Подводя общие итоги исследования, мы можем констатировать немалые успехи в изживании религиозного мировоззрения и устаревших семейно-бытовых обрядов. Это особенно важно для народов, исповадовавших в прошлом ислам, так как отличительная черта ислама — его глубокое проникновение во все стороны семейно-бытового уклада, строгая регламентация повседневной жизни человека. Не следует забывать и о том, что на протяжении полутора тысячелетий ислам был не просто религиозной, но социально-религиозной системой. Ислам в прошлом — это и уклад жизни, и нормы права, это и система мышления, и государственная политика. Поэтому прав И. Джаббаров, когда пишет о

неоправданно упрощенном подходе некоторых авторов к исламу и его влиянию на население²⁵.

Социалистические преобразования общества стали важнейшим фактором преодоления и полного изживания религиозной идеологии. Глубокие социально-экономические преобразования и культурные сдвиги в узбекском кишлаке, начавшиеся с установлением Советской власти, стали важнейшим условием, послужившим размыванию обыденного религиозного сознания и ломке традиционных форм поведения. Узбекская республика достигла значительных успехов в социально-культурном строительстве — это всеобщая грамотность, преобразование социальной структуры узбеков, общее повышение благосостояния населения, вовлечение женщины в производственную и социально-культурную деятельность, качественное изменение социально-бытовых условий жизни и т. д. Все эти факторы способствуют общественному прогрессу и, в свою очередь, секуляризации всей жизни народов Средней Азии.

Указанные факторы сыграли колоссальную роль в формировании новой, коммунистической, сознательности и общематериалистического мировоззрения, изменении всей повседневной жизни узбекского народа. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, ибо секуляризация бытовых отношений содействовала ломке религиозных ограничений и запретов в пище, одежде, жилище и других, казалось бы несущественных на первый взгляд, «мелочах». Между тем в свое время эти «мелочи» регламентировали каждый шаг человека, определяли его мировоззрение, направляли поведение, были теми кирпичиками в фундаменте, на котором строились общественное мнение и в целом социальная психология народа. Конечно, какая-то сумма религиозных обычаев в настоящее время еще сохраняется. Но за столь короткий период невозможно изжить такую развитую религиозную систему, как ислам. Ведь уже сам факт секуляризации общественной и бытовой жизни населения, принадлежавшего к мусульманству, — свидетельство огромного социального прогресса. Незыблемые когда-то устои идеологии ислама подорваны; в новом поколении падает удельный вес верующих и соответственно возрастает число атеистически настроенных людей. В духовной жизни и в быту узбекского населения решающую роль играют духовные ценности социалистической национальной культуры.

TRADITIONS IN MODERN UZBEK RITUAL

The paper deals with the characteristic features of Uzbek culture and everyday life as expressed in the complex of their religious rituals, traditions, regulations and festivals. The authors maintain that in investigating modern ceremonies the traditional ritual system should not be ignored, since its best, progressive elements form one of the sources for the formation of new civil rites.

The paper is based upon ethnographic observation and on some of the results obtained by the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in an ethnological study of the social-and-cultural development of the population of Uzbekistan.

²⁵ И. Джаббаров. Общественный прогресс, быт и религия, с. 87.